

ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОЩУЩЕНИЙ

Дневниковые записи Ники Турбиной

Сколько жизней надо пройти, чтоб услышать музыку ветра?

Решила по-новому вести мою коварную, непрочную судьбу. Стихи пошли, как ливень дождевой. Писать я начала опять, желая душу облегчить и показать подробно знаки, по которым жизнь свою прошла. Унять поток сомнений, бушующих вокруг.

Ты знаешь, было все не так...

Но, уходя в нирвану, освободилась от ненависти людской.

Руки мои прострелены, сердце тебя утратило. Беды накликало. Делаю новые глупости – тону в понимании рока и жизни.

Думаю о стихах. Стараюсь найти новую форму – философское осмысление жизни с моей позиции.

Вселенная держится на любви.

Жизнь посылает нам знаки – понять судьбу яснее. Не видим их. Невежество мешает. Знать не хотим, что говорит Вселенная. Споткнувшись, наконец-то замечаем, но думаем – наказание Божье. Бог никого не наказывает. Своими поступками наказываем себя. А знаки, как думаю, – это дела, события, которые преследуют человека, исходя из начертанной ему судьбы.

Время материально, оно способствует развитию общества в зависимости от того, какой энергией будет заправлено: добра или зла, войны или мира, любви или ненависти.

Как думаешь, чем вызвана такая ненависть ко мне? Ведь я не отнимаю ни у кого добра. Кажется, на этом люди помешались. Мне ничего не надо. Нет, вру! Хотела, чтобы нашелся человек или Бог, который меня упрятал, защитил, и не надо было бы бороться за стихи мои, пронзающие душу. Помнишь, кричала: «Быть хочу, как все!». А что это такое – так и не познала. Года прошли, как страшный сон для тела и души.

Когда умру, тихо станет. Те, кто любил меня, от горя напьются. Кто зло таил, напишут каверзные слова, обрадованные, что вновь в печати можно засветиться. Возможно, Бог простит их. Время – никогда. Нельзя над совестью глумиться.

Однажды я уже со смертью встретилась, когда с балкона в бездну сорвалась. То был миг боли и желанья жить. Затем – прекрасное озаренье светом.

Спроси себя, что надо сделать с мыслями больными. Не надо их лечить, а поместить в разумный сад и окружить вниманьем и любовью.

Хотела сотрясти мир – так каждый человек мечтает быть значительным и не бояться ничего, пытаюсь доказать свою причастность к обществу, в котором оказался вдруг.

А ждал ли кто меня?

Наверное, так чувствует себя любой, кто попытался разверзнуть свой пузырь, в котором начинал дышать и слышать мир иной, всеобещающий.

Не слышим мы друг друга. Желанья нет признаться, что в рабстве дух тускнеет, его уничтожает нищета.

Отсутствие полета для души равно дыханию без воздуха.

Смотрю, как скучно и убого живет толпа. И вместе с нею я. А так хотелось равенства, улыбок и бескорыстного движения души. Неужто я ошибалась, что появилась на земле? Ведь, существуя, невозможно жить.

Не верю, что Космос во главе со Всевышним создал толпу рабов и нищих на земле.

Где мне присесть, когда деваться некуда сил нет возвращаться в дом чужой, всегда не мой – пустой, убогий? И делать ничего там не хочу. Смеяться тоже трудно в нем.

Почему же я одна? Делами непригодна для людей вокруг меня, и новых нет стихов.

Они на время будоражили кого-то. На время могла привлечь словами живую душу – выслушать меня...

Есть душа, которая питает мир разумом и творчеством. Я знаю: не может русский человек погибнуть от невежества и страха.

Его должна спасти любовь и новое понятие Веры и веры в человека.

А для меня сраженье – в огне любви.

Буду слушать тишину мечты. Она окутает мои стенанья, и новые слова услышишь ты в Стихе.

Тебе, наверное, известно, что самые высокие поступки душа решает, никто не может ей перечить. Законы Жизни есть, с которыми никто не смеет спорить. Ее ничто не остановит сразиться с ложью и предательством.

На планете, которая Землей зовется, высокие порывы понуждают умереть. Давайте хищников-людей попробуем остановить от новых преступлений. Они навечно связаны с бездушными делами, где корысть правит ими. Они исчезнут в космическом огне. Носить такую ношу не позволит рассудок Космоса. Он собирает души, дающие любовь и радость людям. Об этом можно много говорить, но главное – поверить.

Дом хочу построить, в котором будешь ты и все мои родные. Помогу жить радостно и с нежностью смотреть в глаза друг другу.

Дом тот будет далеко от тех, кто погубил мои надежды, кто новые слова мои дослушать не хотел и бросил возраст мой, не совсем созревший, в пропасть дозревать среди стервятников с отменным зреньем, холодной душой.

...Меня преследовала первая строфа. Она убойной силой сметала попытки думать о делах насущных – хлебе и картошке. Ломилась и ломала дверь, туманя мозг мой слабый, укрепляя душу...

Где мои друзья? Не вижу их возле своих дверей и окон. Разбрелись. Тропы к ним заросли давно забытыми мечтами.

Радость бесполезно искать, она должна быть с тобой постоянно; не та радость, к которой мы привыкли, а умиротворение.

Будут прорасти мои мысли на земле медленно, но верно. Любила слово «медленно», потому что была ленива, но не по характеру, а по образу жизни. Мне обещали работу, обещания замерзали. Терпеливо ждала, покрываясь пылью. Позвонить вновь было неловко. Выискивала в памяти людей, кто бы мог помочь. Оказывалось – раз, два и обчелся. Последние три года жизни почти ни с кем не общаюсь.

Думаю о стихах, собираю утраченные годы в морской узел.

Кто меня затравил в этой жизни? Почему никто не помог?

Была изначально больна непониманием времени, людьми, не разбиралась в себе сама.

«Подавай нам стихи!» Давно не пишу, жизнь угрохала, в пропасть бросила разум страданий, обид. Замкнулась на жизни без дверей и желаний, опоясав себя судьбами жизни других.

Душа моя должна была страдать на этом свете. Страдать о мире, о несовершенных людях; на них смотрела со стороны и пропускала через свои понятия живой души. Я все сказала о себе в стихах еще ребенком. Тело женщины мне не нужно было. Умереть должна была давно, об этом говорила я не раз.

Иду по тоннелю воспоминаний. Надо разыскать Мотив былых стихов. Они звучали в комнате, на кухне. Остановила мысль... Мотив был новый, доверительный и нежный, он проникал в мечту надежд. Заворожила простота мелодии.

Страшно стало от звуков прежних, в них не укладывались строки, которыми была полна душа. Возможно, набрела на дыхание любви, без гнева и страданий холодного рассудка. Стала улыбаться, как ребенок. Все оказалось добрым и желанным. Снова захотелось жить.

Ширму куплю – отгородиться от мира, слушать биенье сердца – ритм земли.

Научилась улыбаться, Бог дал улыбку для этого. Непросто создать в душе гармонию доброты, нежности и сопереживания другому. Учусь ополаскивать сердце от печали. Вытяну руки к свету, думая о любви к Миру, Космосу... Ни малейшего недовольства. И промывай сердце этой энергией.

Опрокинулась сегодня в мир иной. Никто не нужен, кроме одного – Всевышнего. На работе, с детьми. В магазине, по улицам хожу – Он рядом.

Когда-то, миллионы лет назад, она летала, раскинув руки-крылья, жадность и предательство не мучили ее. Возможно, я жила тогда, детей рожала. Свой путь прошла, и новый позовет меня.

Я звук ждала. Он приходил. И наполнялась я энергией чудовищного мига, непонятного, как рождение человека. Душа играла и бросала в омут, или звала просматривать страницы ждущего меня сомнительного счастья.

Уходила в комнату свою и оставалась с Ним наедине. Иногда казалось, что я ощущаю Его тепло. Дома сознавали: появилось в жизни то, что не могли принять. И вслух произнести боялись. От невежества, незащищенности, что кто-то узнает, и бабушку выгонят с работы. От напряжения, что делаем не так, заползал страх. Как делать? Мы не понимали.

Когда разобралась, что тщетно доказывать мою причастность к космической любви, успокоилась (поставлю это слово).

Жизнь прошла, как дымящий огонь – не потушенный, не разожженный. Тлели кости мои, душа пыталась помочь состраданьем. Говорила, не гоните меня. Еще расскажу вам про чащи лесные. Делами раскрою себя. Не гоните меня так рано. Родилась я уже птицей раненой. А набросились все, ровно солнце я затмила.

Прихожу к выводу: много страдала напрасно. С двенадцати лет тихо умирала. Жаль, задержалась. Законы жизни не знала. Мозолила глаза себе и другим. Утехи постепенно рассосались, превратились в кляксу. Дико вспоминать, что творила: вначале от непонимания мира, затем от ситуаций, неразрешимых вследствие комплексов моих. Слышала ложь; слушала, как безжалостны ко мне. <...> Затем наступала смертельная тоска. Но не это важно. Важно, что никто не заглянул ко мне домой и не попытался прислушаться к душе. Проходил эксперимент в колбе времени, с ложью и предательством. Но со мной Всевышний. «Потерпи!» Готова была терпеть, сколько скажет. Это было смыслом жизни, моим тайным творчеством.

Оказалась я на планете, в стране попугаев, Где утрачены мысли и вещи сны.

Еще одна судьба не удалась на полосе несовершенства человека.

На цыпочках, едва дыша, бегу к раскрытому окну и с небом говорю – прошу пощады. Страдания приносят звуки ночи в окружении простых желаний – помочь уставшим людям.

Впоследствии я поняла, что как поэт никому не нужна. В результате стала стесняться своих стихов и пыталась мучительно и трагично найти себя.

Вокруг царил покой, и вечность времени текла, часы земные пропуская. Ощущалась фантастическая целостность жизни.

Мир пленил меня, забирая душу осколки оставлял. Пыталась штопать, рай мастерила из нитей, утративших чувствительную целостность, пробуя найти ответ на вечный спор, зачем живем в таком хаосе.

Одиночество загнало в угол. Томлюсь от страха, что не умею разобраться в окружении моем. Тоскую по не совершившимся делам.

Прогнали меня земляне, простора и солнца лишили. Бросили в пропасть, чтоб памяти не осталось. Не угодила Сатане иль ступенькам, что снились мне в детстве?

Попали в ловушку люди, детей не защищая, стариков лишив Божьего места.

Тесно на земле и душно от желаний жалких, ограниченных мелкими страстями, – рассудок потешать ненужными ленивыми делами, умножая злость и зависть. Для чего все это? Неужто это смысл жизни человека? Что создаешь ты, Человек, то уничтожаешь тут же. Безысходная тоска сражает наповал. Все эфемерно, и жизнь так коротка. Найти хочу выход.

Я всегда жила жизнью так называемых друзей – их у меня не было. Да и сейчас я одна.

Не верила предчувствиям, шла наперекор себе, сражаясь поминутно. Любовь (а может быть, ее страданием назвать) в тисках меня держала. Даже помощь неба не была слышна. Плоть пошла войной на душу хрупкую мою и занесла на время в мир, который «слабостью людской» зовется.

Кожа сдернута. Боль пронизывает. Боль тех, кто оступился, найти не может себя. Душу радостью заполняю – вянет она от тоски. Ищу дорогу. Душа – нараспашку. Сердце

разошлю в конвертах туда, где люди ждут добра. Сжалась душа, ворчит: «Смотришься глупо. Смешна. Пальцем указывают на тебя. Пора застегнуться».

Хотели жизнь упрятать временем, чтобы стихи мои уснули вечным сном, рассудок не тревожа. Спешила спрятаться, сражаясь сама с собой. И выползала иногда, как рак, усталая, ненужная. Меня хватали, варили на медленном огне. Я цвет меняла. Тогда меня съедали. Цвет красный привлекал. Они, гурманы, смаковали беду мою.

А где взять крылья? Мои поломались. Когда взлетела, кто-то плечо поранил. Стараюсь думать, что был случайный выстрел.

По улицам бреду и всматриваюсь в лица: упрятались под маской благородства. Вдруг нападут, когда не ждешь. Давно погибло сердце – холодный стук остался.

В рамках висят на стенах прожитые годы.

Рисунок стиха заполнял, забирал меня. Струились звуки в одной струне, а слова несли в мир иной. Пыталась говорить с голосами мира. Звук приходил. Хотелось страсти. Себя на части разорвать, жизнь мнимую построить.

Была послушна от жалости к любимым. Они меня не понимали. Естественно. В себе не разобрались. А нужен был помощник на земле.

Мне тишина нужна. Что говорила я о Боге, родным казалось выдумкой. Искала совершенство в Человеке. Может быть, напрасно!

Не вижу звезд, но чувствую их кожей. Все явственней и резче проступает небесная дорога.

«Жизнь твоя – иллюзия, – они мне говорили. – Тебя лучи на землю опустили. Смотри, как радостно жила... Людей забудь...».

Душа моя дрожит от несурязицы земной. Смерти жду и к ней иду, хотя мечтаю о дороге жизни. Ступаю по земле, а думаю о мире неизвестном.

Они не посетили те пространства. Не разгадали тайны звука и не взбирались ввысь. Не уступали место Богу. Я этот путь прошла.

Бабуля надеялась на чудеса. Постоянно причитала: «Господи, сделай так, чтобы Никушенька не писала стихи». Сидела на кухне и плакала. А я ждала свой звук. Он пронзал меня от макушки до конца позвоночника, и силы мои удесятерились: переполнялась мыслями, хотелось бегать, кричать... Тогда я еще не могла писать. Брала колготки и вязала узлы. Развязать их было невозможно – морские. Успокаивалась, рассказывала сплетенным косам свои мысли. Плету морские узлы, вдруг слышу: «Я с тобой, не плачь». Странно, но я уже знала всю свою жизнь. Это меня не пугало. Страшно было за родных.

Как важно, когда окружают тебя заботой – тогда ты горд и независим.

Уверенности нет, что сберегут другую Нику, когда она придет спустя столетья вновь. И будет меж людей страдать.

Мечте моей прислониться некуда. Мечта, она хрупка, обидчива, недолговечна. Ее сломать легко. Пытается она пробиться, но ценники висят вокруг, без денег никуда не ступишь.

Поэзия с перевода языка души – любовь. Значит, не читают стихи, иначе бы не позволяли себе так ненавидеть друг друга.

Лучи моего сердца с вами.

Делай судьбу. Живи не в богатстве, а в радости. Нищим не должен быть человек, он теряет свою личность, становится рабом. Не разрешай никому унижать себя. Лучше отойди – живи один. Сам не унижай никого. Каждому живому существу помощи. Ни на кого не держи зла. Тогда победишь.

Оставляя благополучный дом, решают, что они выполнили свою миссию. Оказывается, этого недостаточно. Главное – после себя не оставлять дорог предательства. Жаль смотреть на человека, когда он, распираемый подлостью, пытается выглядеть порядочным, достойным.

Я с легкостью проникла в звуки ветра: уснувшие когда-то, vybrать они помогли мотив готовый. Стала петь. Легко и нежно мелодия неслась. Хочу мотив запомнить, объединить сердца людей.

Дешево разменяла свою жизнь. Хотелось всех любить, не тыкаясь в пространстве. Не могу понять мотив моей тоски. Мое сопереживание превратилось в мудрость. Это неизбежно. Вроде злого соседа по лестничной площадке. Открывая душу, превращаю суть ее в живое явление.

Успела я костер разжечь в сердцах людей – они поймут когда-нибудь.

Ношу в себе и радуюсь, что он со мной – ребенок вечный. Любовь к нему напоминает веселые холсты картин. Тысячи лет прошли – они живут, закованные в рамки, где женщины с животами, похожими на зеленые шары. Зачатье остается тайной. Мое чадо – тайна вселенной. Беременность – познание мира. Рождение в себе самой силы воли, когда хочется познать больше.

Действую в той недоступной выси пространства, где только мне легко и просто. Я говорю с богами о смысле жизни и теряюсь в рассуждениях, поскольку поняла: в том жизни смысл, что нет его.

Мои стихи далеки от совершенства. Пишет душа, а сознание молчит. Душа не может молчать. Она говорит языком неба, добра, сопереживания. В моих стихах нет вычурности. Все просто, как небо и земля. Лето – это цветы, зима – снег. Но в них плач по любви, искренности. «Хочу добра», – кричала я маленькая. И вот старая, а говорю то же самое. Шла к вашим сердцам и пока не дошла.

Мои стихи многие услышат, поверьте... Смысл в гармонии... Тайна, которая меня мучила всегда.

Ничего не могу понять в этом мире. Некуда деться.

Была божественным созданием. В просторы таинства природы мысли окунала. Сегодня Новый год для вас, а для меня не миг, а легкое прикосновение к моим когда-то радостным мечтам. В себя уйти стараюсь. Мечта уставшая приляжет рядом.

К кому ни прикасаюсь, в глазах читаю чаще жалость – так жалеют неудачников. Оскорбительно сюсюкая.

Родившись, человек растит свою душу. Делаю попытку сказать это моими стихами. Душа бессмертна в стремлении к добру. Остальное – тлен. Это очень важно. Это моя миссия.

Стала рисовать свою судьбу. Она иная в красках. Света много вокруг. Звезд днем не вижу, но чувствую их кожей. Лучи с небес освещают путь, по которому иду. Где-то вдалеке пятна темные – оказалось, это кляксы, их закрасить надо цветом алым. Любовь сразила все цвета глухие. Картина заиграла щемяще-радостным оттенком золотого восходящего солнечного блика. Сразил меня цвет. Смеялись краски над судьбой моей. Вот поле, где я люблю быть. Лошади тусуются вдали, фонари, костер, где я горю и не сгораю. Ступени лестницы уходят в небо. Тишина стоит, спокойно и радостно вокруг. Краски, как звуки. Я здесь и нет меня. Вокруг нет никого, возможно, появятся, но позже. Разобраться в картине не могу. Где мои страдания? Остался яркий свет от моей судьбы, казалось бы, такой трагичной. А люди, люди где? Завтра буду продолжать. Цвет надо подобрать моим страданиям. Краски сами все решат, что должно на полотне ложиться.

Для любви должна быть щедрость. Женщина – это цветок, который зовется женщиной. Цветы бывают разные: студень и жаркие – их разнообразию нет конца. Восхищаюсь их возможностью быть независимыми. Их срывают, каждая борется, чтоб оставить след свой: запах, цвет, подлиннее стебелек, а главное – любовь, которая продолжает жизнь на земле. Дети. Рождение человечества на планете. Оно, это человечество, оказывается неблагодарным этому явлению, имя которому женщина. Оно ее убивает, унижает, бьет, а она продолжает жить, приносить плоды. Я сама женщина. Вот только не поняла, какой я цветок.

Источник:

*Н.Турбина.. Стала рисовать свою судьбу.
Стихотворения, записки. М.: Зебра Е, 2011.*